

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

В КОТОРОЙ МИССИС ЛУНТВИЛЛ
ПРИХОДИТСЯ УЛАЖИВАТЬ СКАНДАЛ
В СЕМЕЙНОМ КРУГУ

•••••

— Маменька, до каких пор мы должны терпеть это чудовищное унижение?

Леди Алексия Маккон задержалась на пороге салона для завтрака. Не слишком сладкозвучный голос сестры пронзительно взлетел вверх, перекрыв приятный звон чашек и похрустывание тостами. Тут же, вслед за репликой Фелисити, в этот отрететированный до совершенства дуэт ежеутреннего нытья предсказуемо вступил голос Ивлин:

— Да, милая мамулечка, это настоящий скандал в наших стенах. Не можешь же ты в самом деле ожидать, что мы и дальше будем с этим мириться.

Фелисити вновь перехватила инициативу:

— Это лишает нас всяких шансов (хрусть-хрусть), и последствия будут необратимы. Это совершенно неприемлемо. Совершенно.

В надежде подслушать еще что-нибудь Алексия сделала вид, будто смотрится в зеркало в холле. Но тут, к ее вящему смятению, рядом возник новый

дворецкий Лунтвиллов, Суилкинс, несущий в руке поднос с копченой рыбой. Он бросил на Алексию неодобрительный взгляд, который яснее ясного выражал его мнение о молодой леди, пойманной за подслушиванием разговоров своих же родных. Право искусно насторожить уши принадлежало только дворецкому и никому более.

— Доброе утро, леди Маккон, — проговорил Суилкинс достаточно громко, чтобы мать и сестры слышали сквозь поднятый ими шум и трескотню. — Вчера на ваше имя пришло несколько писем.

Он протянул Алексии два сложенных и запечатанных письма и демонстративно остановился в ожидании, пропуская ее в салон для завтрака.

— Вчера... Вчера? И почему же, скажите на милость, вы мне вчера их и не отдали?

Суилкинс ничего не ответил.

До чего же неприятный тип этот новый дворецкий! Алексия начинала понимать: мало что на свете способно отравить жизнь сильнее, чем вражда с домашней прислугой.

Входя в салон, Алексия в раздражении даже слегка передернула плечами и обратила свой гнев на сидящих за столом.

— Доброе утро, дражайшее семейство.

Пока она шла к единственному свободному стулу, четыре пары голубых глаз наблюдали за ней с видимым осуждением. Впрочем, нет, только три: достопочтенный сквайр Лунтвилл был всецело сосредоточен на том, чтобы должным образом очистить яйцо всмятку. В этом нелегком деле был задействован хитроумный маленький инструмент, напоминающий ручную гильотину, если смотреть сбоку. Приборчик

вскрывал скорлупу на кончике яйца, оставляя идеально круглое отверстие, без сколов. Блаженно погруженный в свое занятие сквайр не обратил никакого внимания на появление падчерицы.

Алексия налила себе стакан ячменного отвара и взяла с решетки кусочек тоста без масла, стараясь не замечать дымного запаха рыбы. Когда-то завтрак был ее любимой трапезой; теперь же от него у нее неизменно сводило живот. Пока что маленькое неудобство (именно так Алексия привыкла называть это про себя) переносилось гораздо тяжелее, чем можно было представить, учитывая, что до того, как это неудобство научится ходить и говорить, оставалось еще значительно больше года.

Миссис Лунтвилл наблюдала за скромным завтраком дочери с явным одобрением.

— Как отрадно видеть, — проговорила она, обращаясь ко всем сидящим за столом, — что наша бедная дорогая Алексия буквально сохнет в разлуке с мужем. Такая тонкость чувств!

Она явно принимала дурной аппетит Алексии за симптом жестокой хандры.

Алексия бросила на мать раздраженный взгляд и намазала тост тонким слоем масла. Ее солидной фигуре усохнуть даже теоретически мешал не один десяток фунтов, к тому же «неудобство» слегка прибавило ей веса. И к хандре она была не склонна. Более того, сама мысль, будто лорд Маккон мог иметь какое бы то ни было отношение (помимо самого прямого, о чем родные пока не знали) к отказу от еды, ее возмущала. Алексия открыла было рот, чтобы разъяснить это матери, однако паузу заполнила Фелисити:

— Ах, маменька, думаю, Алексия не из тех, кто способен умереть от разбитого сердца.

— И не из тех, кто страдает отсутствием аппетита, — парировала миссис Лунтвилл.

— А вот я, — вставила Ивлин, накладывая себе полную тарелку копченой рыбы, — чертовски склонна и к тому, и к другому.

— Выбирай выражения, милая, прошу тебя, — от расстройства миссис Лунтвилл сломала кусок тоста пополам.

Младшая мисс Лунтвилл обернулась к Алексии и обвиняюще ткнула в ее сторону вилкой с наколотым кусочком яйца.

— Капитан Фезерстоунхоф порвал со мной! Как тебе это нравится? Мы получили записку сегодня утром.

— Капитан Фезерстоунхоф? — пробормотала Алексия себе под нос. — Я думала, он помолвлен с Айви Хисселпenni, а ты, кажется, с кем-то другим. Ничего не понимаю.

— Нет-нет, это Иви с ним помолвлена. Сейчас. То есть была помолвлена. Сколько ты живешь у нас? Почти две недели? Будь внимательнее, дорогая Алексия, — укорила миссис Лунтвилл.

Ивлин страдальчески вздохнула:

— А всё уже куплено, и платье тоже. Теперь его придется перешивать полностью.

— У капитана очень красивые брови, — утешающе вздохнула миссис Лунтвилл.

— Вот именно! — воскликнула Ивлин. — Где я теперь найду такие брови? Говорю тебе, Алексия, я убита горем. Просто убита! И виновата в этом только ты.

Впрочем, следует заметить, Ивлин не казалась настолько расстроенной потерей жениха, как следовало бы ожидать, особенно учитывая, что речь шла о женихе со столь выдающимися бровями. Она запихнула в рот яйцо и принялась методично жевать. Недавно младшая Лунтвилл вбила себе в голову, что, если пережевывать каждый кусочек пищи по двадцать раз, это поможет сохранить стройность. С тех пор она всегда засиживалась за обеденным столом дольше всех.

— Он ссылается на какие-то философские разногласия, но мы все знаем, почему на самом деле разорвана помолвка! — Фелисити помахала перед Алексией запиской с золотым обрезом — запиской, в которой, очевидно, содержались изъявления глубочайшего сожаления достойного капитана и которая, судя по жирным пятнам, уже была внимательно изучена всеми собравшимися за столом, включая копченого лосося.

— Соглашусь. — Алексия спокойно отпила глоток ячменного отвара. — Философские разногласия? Это невозможно. У тебя ведь и вовсе нет никаких философских воззрений, дорогая Ивлин, правда ведь?

— Так, значит, ты признаешь свою ответственность? — Ивлин пришлось проглотить еду раньше времени, чтобы снова броситься в атаку. Она встряхнула светлыми кудряшками — всего на тон-другой темнее яйца.

— Разумеется, нет. Я ведь даже не знакома с этим человеком.

— И все равно это твоя вина. Бросить мужа и переехать к нам! Это ни на что не похоже. Об этом.

Идут. Разговоры! — словно в подтверждение своих слов Ивлин безжалостно пронзила вилкой сосиску.

— Люди постоянно ведут какие-то разговоры. По-моему, это всегда считалось одним из лучших средств общения.

— Ох, ну почему ты такая невозможная? Маленька, сделай же с ней что-нибудь! — Ивлин бросила сосиску и перешла ко второму жареному яйцу.

— По твоему виду трудно предположить, что ты как-то особенно страдаешь, — Алексия в упор посмотрела на энергично жующую сестру.

— О, уверяю тебя, для бедной Иви это колоссальный эффект. Чудовищное потрясение, — возразила миссис Лунтвилл.

— Ты, очевидно, хотела сказать — аффект?

Алексия никогда не могла удержаться от искушения подпустить шпильку лишний раз, когда дело касалось ее родственниц.

Сквайр Лунтвилл, единственный, кто способен был оценить такого рода иронию, тихонько фыркнул с другого конца стола.

— Герберт, — тут же упрекнула его жена, — не поощрай ее дерзости. Дерзость — крайне непривлекательное качество в замужней даме, — миссис Лунтвилл вновь повернулась к Алексии. Лицо ее — лицо красивой женщины, состарившейся незаметно для себя, скривилось в гримасе, которая, как предполагала Алексия, должна была выражать материнскую тревогу. В результате миссис Лунтвилл стала похожа на пекинеса с расстройством пищеварения. — Вы ведь из-за этого и расстались с ним, Алексия? Ты, случайно, не пыталась... умничать при нем, дорогая?

Миссис Лунтвилл избегала упоминать имя лорда Маккона с тех пор, как ее дочь вышла за него замуж, — ей, безусловно, хотелось подчеркнуть факт замужества Алексии (почти все считали это событие крайне маловероятным вплоть до знаменательного дня), не упоминая, однако, того, кто стал ее супругом. А являлся он пэром королевства и, без сомнения, одним из первых пэров ее величества, но при этом оборотнем. И к тому же терпеть не мог миссис Лунтвилл и не собирался этого скрывать ни от кого, в том числе и от нее самой. Да что там говорить — как-то раз, пришло на память Алексии, лорд Маккон даже... Но она безжалостно оборвала воспоминание, в очередной раз запретив себе думать о муже. И обнаружила, что в волнении успела привести свой тост в непригодное к употреблению состояние. Вздохнув, она взяла другой.

— Мне кажется очевидным, Алексия, — безапелляционным тоном проговорила Фелисити, — что именно твое присутствие каким-то образом разрушило помолвку Иви. Даже ты не сможешь ничего против этого возразить, дорогая сестрица.

Фелисити и Ивлин были младшими единоутробными сестрами Алексии — сестрами по крови и совершенно чужими во всех прочих отношениях. Обе были невысокими, светловолосыми и стройными, в отличие от высокой, смуглой и, откровенно говоря, не слишком стройной Алексии. Алексия славилась во всем Лондоне выдающимся умом, покровительством научному сообществу и едким остроумием. Фелисити и Ивлин славились рукавами с буфами. Как следствие, мир на земле был

значительно прочнее в то время, когда этим троим не приходилось делить стол и кров.

— И мы все знаем, насколько обосновано и беспристрастно твое мнение по этому поводу, Фелисити, — тон у Алексии был невозмутимый.

Фелисити взялась за раздел скандалов и сплетен в «Дамском щебете», явно демонстрируя, что не желает больше принимать участия в разговоре.

Миссис Лунтвилл мужественно подхватила упавшее знамя.

— Алексия, дорогая, не пора ли тебе вернуться домой, в Вулси? Я хочу сказать — ты провела у нас больше недели, и, конечно, мы тебе очень рады, но, по слухам, он уже вернулся из Шотландии.

— С чем его и поздравляю.

— Алексия! Как ты можешь говорить такое!

Ивлин вмешалась:

— Правда, в городе его никто не видел, но говорят, что прибыл в резиденцию вчера.

— Кто говорит?

Фелисити в ответ пошуршала страницами раздела сплетен и скандалов:

— Вот кто.

— Он наверняка тоскует по тебе, моя дорогая, — возобновила атаку миссис Лунтвилл. — Грустит и чахнет без твоего... — она осеклась.

— Без чего, маменька?

— Э... без твоего блестящего остроумия.

Алексия фыркнула — это за столом-то! Положим, изредка Коналлу и впрямь нравилась ее беззастенчивая прямота, но если он теперь и скучал, то вряд ли по колким замечаниям. Лорд Маккон был оборотнем со здоровыми потребностями — мягко вы-

ражаясь. То, по чему он больше всего мог скучать в разлуке с женой, располагалось у нее не во рту, а значительно ниже. Мелькнувшее перед мысленным взором лицо мужа на миг поколебало твердость Алексии. Этот его взгляд, когда они смотрели друг на друга в последний раз, полный обиды и горечи... Но то, что он мог так о ней подумать, так усомниться в ней, было непростительно. Он смотрел на нее глазами брошенного щенка — но лишь затем, чтобы поиграть ее чувствами! Алексия заставила себя сейчас же, немедленно, заново пережить миг, когда Коналл сказал ей те слова. Она никогда не вернется к этому... она с трудом пыталась подобрать подходящее слово... к этому напыщенному болвану, не знающему, что такое доверие!

Леди Алексия Маккон была из тех женщин, которые, если бросить их в заросли шиповника, примутся наводить там порядок, методично обдирая шипы. Последние несколько недель и все дни незабываемо гнусного пути на поезде из Шотландии она думала, что смирилась с тем, что муж отверг ее, бросил вместе с их ребенком. Однако то и дело в самые неожиданные минуты к ней вдруг приходило осознание, что это не так. Она вновь чувствовала, что ее предали — это чувство было острым, как мучительная боль под ребрами, — и тогда ее внезапно охватывала невыразимая обида и нечеловеческая злость. Ощущение очень походило на острый приступ несварения желудка — с той лишь разницей, что тут были задеты более тонкие чувства. В моменты просветления Алексия убеждала себя, что главная причина ее переживаний — несправедливость случившегося. Оправдываться за какие-то

свои неуместные поступки ей приходилось неоднократно — ничего не поделаешь, — но будучи безвинной!.. Это совсем другое дело, это больно и обидно. Даже лучший «дарджилинг» от Боглингтона не мог ее успокоить. А когда даже чай бессилен, что же еще остается делать леди? Нет, дело не в том, что она до сих пор любила этого человека, — конечно же, нет. Это было бы совершенно нелогично. Но факт оставался фактом: чаша терпения Алексии была полна до краев. Ее родные могли бы и заметить предупреждающие знаки.

Фелисити вдруг захлопнула газету, и ее лицо приобрело нехарактерный красноватый оттенок.

— О боже, — миссис Лунтвилл обмахнулась накрахмаленной салфеткой. — Что еще?

Сквайр Лунтвилл на миг поднял глаза и снова спрятал их, принявшись внимательно разглядывать яйцо.

— Ничего, — Фелисити попыталась засунуть газету под тарелку.

Ивлин решительно пресекала эту попытку. Она выхватила у сестры шуршащий лист и пробежала глазами в поисках той пикантной сплетни, которая так взволновала сестрицу.

Фелисити откусила кусочек скона и бросила виноватый взгляд на Алексию.

Алексия внезапно ощутила тянущее чувство внизу живота. Она через силу допила ячменный отвар и откинулась на спинку стула.

— О боже! — Ивлин, похоже, нашла тот самый возмутительный пассаж и принялась читать его вслух: — «На прошлой неделе весь Лондон был шокирован новостью, дошедшей до ушей нашего

репортера, что леди Маккон, в девичестве Алексия Таработти, дочь миссис Лунтвилл, сестра Фелисити и Ивлин и падчерица достопочтенного сквайра Лунтвилла, покинула дом своего мужа и вернулась из Шотландии одна. Догадок относительно причин было предостаточно — от подозрений в интимных отношениях леди Маккон с вампиром-одиночкой лордом Акелдамой до предполагаемых семейных разногласий, на которые намекали обе мисс Лунтвилл...» — смотри-ка, Фелисити, они уже дважды нас упомянули! — «и некоторые знакомые из низшего сословия. Леди Маккон после замужества заняла довольно престижное место в лондонском обществе...» ла-ла-ла... Ах! Вот тут опять: «Однако источники, тесно связанные с титулованной парой, утверждают, что леди Маккон находится сейчас в весьма деликатном положении. Учитывая возраст лорда Маккона, его сверхъестественные наклонности, а также официально зафиксированное постнекротическое состояние, приходится предположить, что его супруга была неблагоприятна. Пока мы еще ждем физического подтверждения, однако все признаки уже указывают на скандал века».

Присутствующие перевели взгляды на Алексию и заговорили разом. Ивлин захлопнула газету, и резкий звук заставил всех остальных замолчать.

— Ну вот, это все объясняет! Должно быть, капитан Фезерстоунхоф это читал. Вот почему он сегодня утром разорвал нашу помолвку. Фелисити была права! Это действительно твоя вина! Как ты могла быть такой легкомысленной, Алексия?

— Неудивительно, что она ничего не ест, — не слишком тактично заметил сквайр Лунтвилл.